

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПСЕВДОНИМ УКРАДЕННОЙ ЖИЗНИ

Галина Владимировна Романова
Псевдоним украденной жизни
Серия «Детективы Галины
Романовой. Метод Женщины»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65717317

Псевдоним украденной жизни: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-123107-1

Аннотация

Иван Сергеевич Корнеев, следователь на пенсии, живет вместе с внучатым племянником Сашей, стажером в полиции. Двадцать пять лет назад отец Саши, Валера, исчез при непонятных обстоятельствах, а его мать Лиза сбежала. Тогда Валера и два его друга, Сергей и Денис, промышляли нехорошими делами. Однажды они продали машину, которая была угнана у криминального авторитета, и это стало переломной точкой. Последствия того давнего преступления до сих пор горьким эхом отзываются в судьбах многих людей, даже, казалось бы, совсем к нему не причастных...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины

Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	54
Глава 7	67
Глава 8	77
Конец ознакомительного фрагмента.	86

**Галина Владимировна
Романова
Псевдоним
украденной жизни**

Все герои и события в романе вымышлены.

Любое сходство является совпадением.

Автор

© Романова Г.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Они проехали молча сто пятнадцать километров. Он специально засекал: сколько они не будут разговаривать после того, как дело было сделано. Получилось сто пятнадцать километров. Если учесть, что машину Денис вел с крейсерской скоростью, то это час и десять минут. Лезть в карман за телефоном и сверять время было лень. Он засекал по спидометру и указателям, заглядывающим с обочин в окна их автомобиля. Но был уверен, что не ошибся. Он привык считать время. До секунды. Он за это отвечал.

Сто пятнадцать километров относительного спокойствия и тишины. Он даже посмел помечтать, что удастся выспаться до того, как они вернутся в город. Не тут-то было! Через десять километров Валера откашлялся и заговорил.

– Ты не представляешь, как я ее люблю! Это такое чувство! Такое... Когда она спит, я дышать боюсь. Когда она улыбается, у меня все внутри сжимается, как перед прыжком с обрыва!

Голос Валеры странно сел, будто он неожиданно-негаданно чем-то подавился. Может, как раз этим признанием? Хотел произвести на них впечатление? Но фальшь же, стопроцентная фальшь.

Трогательного они ничего в этом признании не услышали. И искреннего тоже. Хватит! Проходили! И подобные слова

от Валеры слышали сотню раз за минувшие два года. А завтра как раз годовщина их с Лизой отношений. И по слухам, Лиза уже несколько раз собирала чемоданы, чтобы от Валеры съехать. А он, блин, тут перед ними выделяется. Словами любви давится.

– Если любишь так, что мы не представляем, зачем ты ее бьешь? – задал резонный вопрос Денис. – Нелогично как-то, брат.

– Я ее не бью! – взвился Валера и неожиданно стукнул кулаком по панели автомобиля. – Я ее не бью, я ее воспитываю!

– Эй, Макаренко, ты полегче, – фыркнул Денис, сидевший за рулем. – Это не твоя машина. Ты мне еще панель разнеси тут в клочья!

Он помолчал и добавил с презрительной интонацией:

– Из-за какой-то бабы.

– Она не какая-то баба, понял! – Валера повернул к нему бледное лицо и процедил сквозь зубы. – Она – моя Лиза. И я за нее...

Денис нервно улыбнулся в зеркало заднего вида третьему члену их команды, дремавшему на заднем сиденье, или только делавшему вид – время от времени он тихонько фыркал. Это когда Валера особенно зарывался.

– Слышал, Серый? – Денис понял, что Сергей не спит. – Он из-за нее... А мы тогда, получается, из-за кого? Лерыч, ты ничего не попутал?

– В смысле? – Валера глянул на него исподлобья. – Говори

яснее. Чего ты, как долбаный философ мысль между зубами катаешь! Я ничего не понял, Дэн.

– А чего тут не понять, Валера. – Денис сделался серьезным и хмурым. – То, что мы делаем, брат, только для себя и для нашего общего дела. А все сопли из-за бабы, это только твои сопли.

– Согласен, – кивнул Валера, по привычке странно склонив голову набок и поджав плечи.

– Я еще не все сказал, брат. – Голос Дениса стал жестче. Пассажир на заднем сиденье обеспокоенно заворочался. Ему был знаком этот тон. За словами, сказанными именно таким голосом, могло последовать все, что угодно. Даже ствол из-под ремня мог появиться и упереться дулом Валерке в лоб.

– Твои разборки с Лизой не должны нам мешать, брат, – медленно проговорил Денис, тщательно выговаривая каждую букву, словно разговаривал с дебилом. – Мы не должны оглядываться на твои отношения с бабой, Лерыч!

– А на них не надо оглядываться. Это, как бы, моя тема. Моя женщина.

– Твоя женщина неделю назад в ногтевом салоне хвасталась подружке, что ты ей машину собираешься подарить. Собираешься, брат? – Денис прибавил скорости, кивнув на указатель. – Заправка через пять километров. Надо залиться. Так что, Валера, ты хочешь подарить Лизке машину? Она не соврала своей тупой подружке?

– Почему тупая-то сразу? Верка нормальная телка. Даже чуть по понятиям. У нее брат с зоны не выходит. Она нормальная. Не трепло.

– Зато твоя Лиза голосила на весь салон: Валера ей то купил, Валера ей сё купил. Даже одна из маникюрш не выдержала и спросила... Как думаешь, что она спросила, брат?

– Не знаю. – Валера отвернулся к окну, за которым пробегали голые деревья, утопающие в снегу по нижний ярус веток.

– А я тебе скажу, брат, – опасно повеселел Денис. – Она спросила: сколько ты зарабатываешь и чем занимаешься? Резонный вопрос, брат? Да! Особенно когда твоя телка орет на весь салон, что ты ей машину собрался подарить. Заметь, ко всем уже имеющимся многочисленным подаркам.

В машине снова сделалось тихо. Ничто не нарушало тишины четыре с половиной километра. Он снова засек. Потом Валера виновато выговорил:

– Согласен, гадко. Чё, побеседую. Воспитываешь ее, воспитываешь... Вот дура. Несет пургу.

Он протянул ладонь лодочкой Денису и извинился вполголоса. Денис руку пожал.

– Не смертельно, да, – произнес он, включая поворотники и съезжая с трассы на заправку. – Но есть над чем задуматься.

– Согласен, – тихо повторил Валера. – Буду иметь беседу. И машину она теперь точно не получит.

Денис довольно улыбнулся, подъехал к крайней колонке, заглушил мотор и полез из машины.

– Никому ничего не взять? – сунул он голову в машину, успев зарядить заправочный пистолет в бензобак. – Может, кофе или пожрать чё?

Сергей с хрустом потянулся, протяжно зевнул.

– Да сами выйдем. Разомнемся. Посетим клозет. Потом по сосиске втреплем и кофейком запьем, – протянул он с ухмылкой и завоzilся, принявшись застегивать молнию на длинной куртке. – Давай, заправляйся.

Они встряли на этой заправке. Точно встряли. Сначала горячее принялись вдруг сливать и объявили технический перерыв на пятнадцать минут. А их машину уже подперли и спереди и сзади – не выехать. Они по очереди сходили в туалет. Купили по большому стакану кофе и хот-догу. Валерка без конца выходил из машины и звонил по мобильному.

– Лизке небось своей названивает, – сделал предположение Денис, допивая последние капли кофе.

– С чего вдруг? Поздно. Спит уже. – Сергей все же глянул на мобильник, который показывал половину третьего ночи. – В это время точно спит.

– А чего тогда у него рожа такая довольная? – Денис скривил рот в ухмылке. – Только Лизка способна так его осчастливить. И не только его, не так ли, Серега?

– Да иди ты, – беззлобно отозвался он на ядовитый смех друга. – Когда это было? И то пару раз.

– И когда еще и сколько будет! Лизка же – шлюха конечная. – Денис уже ржал в полный голос, рассматривая согнувшегося на ветру Валерку. – Хорошо Лерыч не в курсе, иначе у нее синяков бы прибавилось. А ты ее тоже колотил, Серый?

Ответить он не успел. Валера вернулся в машину.

– Холодина собачий. Вот встряли, а! – Он покрутил головой, рассматривая длинные очереди из машин к каждой колонке. – Потом еще в кассу стоять час. Никак не вылезешь, Дэн?

Денис выбрался наружу. Оценил просветы между машинами, которые его подперли с трех сторон, и отрицательно замотал головой.

– Бесполезно метаться. И смысл? До следующей заправки можем не дотянуть.

– А ты заправку тоже выбрал, – проворчал Валера. – Клозет, как Серый скажет, и тот отстой.

– Зато видеочкамера всего одна и на кассиршу направлена, – произнес Денис тихо и приложил палец к губам. – Тсс... Нам же надо так, братва? Нам же не надо, чтобы наши фото потом с видеозаписей распечатывали. А возле кассирши просто отвернись и все.

– А эти две? Не видел, что ли? – Валера по очереди ткнул пальцами в сторону здания. – Слева и справа по одной. Под самой крышей.

– Муляжи, брат. – Денис закинул руки за подголовник и самодовольно изрек: – Я же подготовился. Заранее пробил

все заправки на нашем пути. И на эту жалоб тьма, что видеокамеры не работают. Кто-то кого-то бампером задел или фонарь разбил задний, а доказать не смогли. Муляжи. Отзывы, братва, всегда надо читать отзывы.

В салоне машины снова повисла тишина. Денис как будто даже уснул. Валере его пришлось расталкивать, когда закончился технический перерыв.

– Давай, я сбегаю, оплачу, – предложил он.

– Не, брат. Ты свой фейс точно засветишь. А я – нет...

Денис вернулся через десять минут, заправил машину и отъехал к углу здания.

– Я сейчас. Опять в туалет приспичило, – признался он, поглаживая живот. – Хот-дог не прижился по ходу. Вы давайте тоже все свои нужды справьте. А то потом останавливаться до дома не стану. Валер, у тебя постоянно с этим проблемы.

Угроза подействовала. Валера полез из машины.

– Только я в этот отстойный туалет не пойду, – сморщился он. – За углом проще. Очереди нет. И воздух, ну, очень свежий.

Он передернулся на ледяном ветру, глубже натянул капюшон куртки, коротко рассмеялся и исчез за углом. Денис распахнул дверь и встал в хвост очереди в туалет. Валера вернулся через минуту. Посидел в машине минут пять, наблюдая через стекло за тем, как медленно движется Денис к заветным дверям, и когда тому оставалось только открыть

дверь и войти, снова полез на улицу.

– По ходу эти сосиски, в самом деле, дерьмо, – поморщился он. – Тоже что-то в животе беспокойно.

Сергей проводил его взглядом и посмотрел на очередь в туалет: Денис уже исчезал за дверью. Он прикрыл глаза и принялся считать...

Глава 2

Сколько он себя помнил, его всегда жалели.

Маленьким жалели, потому что у него было слабое здоровье, и он часто болел. Его баловали игрушками, фотоаппаратами, велосипедами, сладостями. И по этой причине он крайне терпеливо переносил все врачебные процедуры, когда его с матерью укладывали в стационар. Не орал, не бился головой о стены и пол, не хватался за материн подол – вешал на шею фотоаппарат, брал в руки любимого деревянного робота и шел на уколы. И болезнь со временем отступила.

Когда он подросток, его жалели за невзрачную непривлекательную внешность. Он был невысоким, худым, веснушчатым, с редкой порослью огненно-рыжих волос. Дорогая одежда, которую мать с отцом в то время таскали из-за границы через своих знакомых, висела на нем, как на колу. Тонкие руки, покрытые веснушками, в рукавах фирменных кофт и футболок смотрелись макаронинами. Девчонки фыркали, парни просили продать то, что ему не идет.

Он не обижался на первых, а вторым вежливо отказывал. И в какой-то момент решил ходить в качалку. За пару лет окреп, возмужал и из дрища превратился в спортивного парня с хорошо развитой мускулатурой и внушительными кулаками. Но последнего не требовалось. К нему никто не лез. Его жалели.

– Он же болел все детство, – подслушал он как-то треп одноклассников. – Тронь его, издохнет. В тюрьме, что ли, за него сидеть! За кого угодно, но только не за Ваньку Корнева...

Его не трогали. К нему не лезли. И почти не дружили с ним, если не считать тех моментов, когда просили списать. А учился он, конечно же, на «отлично». Но зубрилой и ботаником его никто не обзывал. Жалели.

Чуть позже, когда он вернулся в родной город после окончания Высшей школы милиции и устроился работать, его принялись жалеть за женщину, доставшуюся ему в жены.

– Господи, никому не нужна была, а он, несчастный, позарился, – шептались соседи. – Клавка же страшная, как смертный грех!

Потом его принялись жалеть за то, что Клава от него ушла.

– Ох, даже она не стала с ним жить! – полярно поменялся шепот.

На работе, куда он устроился после окончания высшего учебного заведения, жалели за те болезни, которыми он переболел в детстве, за отсутствие друзей, за жену, которая его бросила, и не нагружали особо тяжкими преступлениями, хотя он работал именно в отделе по особо тяжким преступлениям.

Корнеев справлялся с тем, что ему поручали. Блестяще справлялся. Втайне ему хотелось чего-то более серьезного, значимого, но просить он стеснялся. И отчетности по рас-

крываемости на своем рабочем месте не нарушал. То есть доводил до суда все дела, которыми занимался.

Все, кроме одного...

Иван Сергеевич стукнул по столу дном кастрюли, в которой варил яйца им с Сашкой на завтрак, с сомнением глянул на блестящий пластик новенького кухонного стола и подложил под горячее дно полотенце.

Он вернулся к плите и помешал картошку в сковороде. Взял два огурца и два помидора из плетеной корзины под окном, пучок зелени из холодильника и принялся строгать салат в большую стеклянную миску. Потом туда же покромсал вареные яйца, залил все сметаной, посолил, разложил по тарелкам зажарившуюся до хрустящей корочки картошку и позвал Сашку к столу.

– Дед, доброе утро. – Сашка выскочил из ванной с зубной щеткой за щекой. – Дай мне минуту.

Внучатый племянник достался ему в наследство от покойной сестры. Та воспитывала его с рождения. Хорошо воспитывала, в строгости. Парень вышел хорошим, без современных вредных привычек, но и без кучи комплексов, которыми наградило Корнеева его личное детство. Он тоже принимал участие в воспитании Сашки. Сестра часто болела и лежала в больнице, оставляя внука на него. Иван Сергеевич не роптал. Ему даже нравилось проводить с ним время. И называть себя велел дедом.

– А как еще? – удивлялся он каждый раз вопросам со сто-

роны. – Двоюродным дедом? Дядя Ваней? Какой я ему дядя? Я ему дед...

Сестры не стало, когда Сашка служил в армии. В далеких местах – приехать у него не вышло. Корнеев сам потом к нему в часть летал.

– На пенсию я вышел, Сашка, – признался он, когда внук удивился свободному времени деда. – Все. Хватит. Я так решил. Копья ломать не в моем характере. Да и молодые на пятки наступают, подставы какие-то за спиной выдумывают. Я к такому не готов. Не могу я так. Домом бабушки твоей займусь, в порядок приведу. Будем с весны по осень с тобой там. А зимой в моей квартире. Она так хотела. Ты как думаешь? Так же? Или своя точка зрения имеется?

У Саши всегда на все имелось собственное мнение. Он был принципиальным. Но на это раз их мнения совпали.

– Конечно, ничего продавать я не стану, – возмутился он, когда дед положил перед ним завешание сестры. – Будем то там, то там. А если я женюсь, дети пойдут – что им в городе летом делать?

– А ты что будешь делать? – пристал к нему Корнеев.

– Когда? Когда дети пойдут?

– Когда демобилизуешься. Не решил еще?

– Решил. – Он широко улыбнулся. – По твоим стопам, дед. Выучусь заочно. А пока в ППС пойду. Туда после армии набирают. Я узнавал.

– Ну, ну...

Не сказать чтобы он был недоволен выбором внука, нет. Но и восторгов особо не испытывал. Знал, что это за служба: ни тебе времени свободного, ни благодарности от населения. А если семью решиться завести, что тогда? Кто выдержит быть рядом?

Даже его Клавдия, цеплявшаяся за их брак, как за спасательный круг, и та не выдержала. Ушла.

Но отговаривать внука Корнеев не стал и вчера с благодарностью принял от него подарок с первой зарплаты.

– Знаю, выпивать не любишь. Поэтому купил тебе удочку. Крутая, дед. Я отзывы читал. Скоро на дачу перебираться. Теплеет с каждым днем. А там озеро. Слышал, рыбалка знатная. Будешь нам уху варить. Жаркое из карпа делать...

– В сметане? – Корнеев любовно поглаживал новенькую удочку.

– Можно и в сметане...

Саша вышел к столу уже одетым: темные брюки, черный форменный свитер. В ППС, куда он собирался, его не взяли. Предложили оперативную работу, узнав, что он уже поступил заочно на первый курс.

– Дед, это и престижнее, так ведь? – радовался внук, вернувшись с собеседования.

– И опаснее, – не стал ему поддакивать Корнеев. – Понимаешь всю ответственность? Готов?

– Ты прямо как подполковник Зотов, – фыркнул тогда Сашка. – Он пафосные речи полтора часа толкал. Все боль-

ше он говорил, а я слушал.

– Зотов? Все работает? – удивился Иван Сергеевич. – И подполковник?

– Ну, да. Зам по кадрам.

– Пристроился, стало быть... – недовольно проговорил Корнеев и от объяснений воздержался. – Окунешься, сам все поймешь.

Саша проработал уже полтора месяца. Пока ему все нравилось. Правда, видеться стали реже.

– Бутерброд сделать?

Корнеев искоса наблюдал, как внук ест, и болезненная нежность, всегда казавшаяся ему ненужной, лишней, затопила душу. Он любил его ребенком, потом подростком. Сильно любил – он был единственным у них с сестрой. Когда Саша вырос и превратился в юношу, а сестры не стало, к любви Корнеева добавилось кое-что еще.

Страх!

Он выедал ему душу день за днем. Стучался в затылок тупой болью. Подкрадывался бессонницей. Страх за внука изводил его так, что он даже похудел за последний месяц. Иван Сергеевич сам себе был противен за то, что вел себя как насадка: без конца звонил Саше, уточнял, когда придет, поел ли, как самочувствие?

Сашка пока терпел: на звонки всегда отвечал, не раздражался. А что будет дальше, когда у него появится любимая девушка? Останется ли в его жизни место для деда?

– Не, бутерброд не надо. Объялся. – Внук пил чай из любимой бабушкиной кружки. – И с собой не надо, дед. Не съедаю же – некогда, – а выбрасывать жалко. Чего ты?

Саша поставил кружку на стол и взглянул на него внимательнее.

– Похудел чего-то. У тебя ничего не болит? – Голос внука зазвенел тревогой. – А то давай я тебя в ведомственную клинику свожу.

То, что внук заговорил о сброшенных им килограммах, было приятно. Заметил! Не пустое он для него место, стало быть. И тут же мысленно прикрикнул на себя: чего это распустился? Что за сопли? Его всю жизнь все жалели. Теперь внук принялся?

– Все будет хорошо, сынок. – Он и так его иногда называл. – Похудел, потому что ходить стал много. Специально, чтобы не зажиреть на вольных-то хлебах. А в клинику не пойду. Со мной все в порядке.

– Точно?

– Точно, – стойко выдержал он подозрительный взгляд внука. – Сегодня как? Опять поздно?

– Не знаю. Как правонарушители... – Внук подмигнул. – Сам же знаешь.

– Интересное что-нибудь есть? – Иван Сергеевич встал и, невзирая на запрет внука, начал сам убирать со стола. – Какие дела сейчас у вас в производстве?

– Ой, дед, скажешь тоже! – Сашка рассмеялся, встал и

принялся помогать. – На рынке из-за места подрались. Нас вызвали.

– А вас зачем?

– Один из подравшихся пистолетом размахивал. Оказался детской игрушкой.

– Гм-м... – Иван Сергеевич уступил Саше место у раковины и отряхнул руки. – Знаешь, что я тебе скажу, дружок... Сейчас он игрушкой размахивает, завтра травматическим пистолетом, а послезавтра за боевой схватится. Любовь к бряцанью оружием сидит в башке. Ты себе на будущее пометку сделай и запомни его – этого парня.

– А чего мне его забывать. Он всем знаком. Это Федоров.

– А-а-а, знаю такого. – Корнеев поморщился. – Вот ведь не уймется никак. По молодости за колья все хватался. Потом битую возил в багажнике. В девяностых... Теперь вот игрушкой людей пугает. Может, не игрушка то была, сынок? Может, игрушка в кармане, а ствол под прилавок скинул? Знал я таких хитрецов. Место драки осмотрели?

– Вроде нет, – неуверенно произнес внук после паузы, закрыл кран и глянул растерянно. – Драчунов в машину усадили и в отдел увезли. Протокол составили и отпустили. Квалифицировали как административное правонарушение.

– Запомни, Саша...

Иван Сергеевич взялся за чайник, налил себе полную кружку кипятка и бросил туда лимон. Чай он старался не пить: с детства не был приучен из-за болезней.

– То, что на первый взгляд кажется пустяком, может потом оказаться большой проблемой. И наоборот. Все надо проверять. Прямо там. На месте. Не проверишь, можешь потом пожалеть. А проверишь, лишишь себя сомнений.

– Понял дед. Учту!

Саша вытер руки кухонным полотенцем, которые Иван Сергеевич менял каждый день, и пошел в прихожую. Уже оттуда крикнул:

– Пока, дед. До вечера. Позвоню...

Сашка не позвонил до пяти вечера ни разу, и Корнеев не выдержал, набрал его сам. Телефон внука неожиданно оказался вне зоны. Не то чтобы он сразу перепугался, нет. Просто испытал легкое волнение. Поначалу.

Через час он повторил попытку. То же самое: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». В ту же самую минуту Корнеев запаниковал с такой силой, что перестал чувствовать левую сторону груди, где у него билось сердце. И рука, которой он пытался натянуть левый ботинок, онемела. Он выпрямился, отдышался, но не помогло. Левая сторона тела словно перестала существовать.

– Это от волнения, это от волнения. Это не то, что я подумал...

Он подошел к зеркалу, висевшему над полочкой в прихожей, и принялся строить рожи. Лицо послушно корчилось улыбкой, горестной гримасой, морщилось удивлением. Левая рука поднималась, пальцы сжимались в кулак.

«Это от волнения».

Так и не обувшись, он в тапках дошел до соседней двери и позвонил. Дверь открылась сразу. Молодая соседка Тонечка все поняла и за рукав втащила его к себе. Усадила на низкий табурет, обнажила его левую руку и принялась мерить давление.

– Ну! И чего столько паники? Все нормально. Сто двадцать пять на восемьдесят. Позавидовать можно. Вы чего, Иван Сергеевич?

– Тоня... Перепугался что-то. Сам не пойму. Сашкин телефон выключен и я...

– И вы решили, что подстреленный два часа назад на рыночной площади молодой оперативник – это непременно он? Я вас умоляю, Иван Сергеевич. – Тоня протянула ему стакан с водой и крохотную таблетку. – Вот, выпейте. Это от нервов. И новости в следующий раз смотрите внимательнее. Фамилия погибшего оперативника не Корнеев. Сашка ведь носит эту фамилию, так?

– Да, да, он Корнеев. Александр Иванович Корнеев. Отчество сестра ему мое дала. Так мы решили. А фамилия у нас с ней одна... Он Корнеев, Тонечка, да...

Он понял, что плачет. Щекам сделалось горячо и мокро, а Тоня неспроста протягивала ему бумажные полотенца. Корнеев прикрыл лицо ладонью. Плечи дергались. Он их чувствовал. И сердце проснулось, начав молотить в грудь и спину.

Сашка жив! Ни о чем другом он сейчас думать не мог.
Сашка жив!

Через полчаса Тоня проводила его в квартиру. Повесила на вешалку куртку, поставила вдоль стены разбросанные ботинки.

– Как фамилия? – спросил он у Тони, когда она уже повернулась к нему спиной. – Как фамилия застреленного оперативника? Что там вообще произошло?

– Вчера на рынке была драка. А сегодня с обыском туда пришли и пистолет, что ли, обнаружили. Или не обнаружили, а из него стреляли, толком не поняла. – Тоня наморщила лоб и пожала плечами. – Подробности не знаю, Иван Сергеевич. А фамилия погибшего Виноградов. Совершенно точно, я ничего не путаю. Вам ведь, кажется, знакома эта фамилия, не так ли?

Глава 3

Мать позвонила ближе к обеду и заполошным голосом сообщила:

– У Виноградовых малого пристрелили! На рынке!

– Mam, здравствуй, во-первых.

Она внимательнее глянула на себя в зеркало и выдернула из левого виска еще пару седых волосков. Вчера было три. Свободные от телефона пальцы правой руки принялись разглаживать небольшие складки под глазами. Лифтинг уже не помогал, и уколы красоты становились бесполезны. Придется ложиться под нож, а это всегда риски.

Она тяжело вздохнула.

– А, во-вторых, кто такие Виноградовы, мам?

– Ну, как же, дочка! – тихо возмутилась мать. – Виноградовых не помнишь? Или снова прикидываешься?

– Не прикидываюсь. Не помню.

Она зацепила щепотью кожу на шее, легонько, чтобы не оставить синяка, ущипнула, потом еще и еще. Спросила рассеянно:

– А почему я должна их помнить? Виноградовых каких-то!

Звонок матери застал ее за утренней ревизией красоты, от которой, по сути, мало что осталось. Каждое утро свидетельствовало о том, что предыдущим днем она была чуточку

красивее и свежее, потому что на сутки моложе. И так теперь будет всегда. Послезавтра ей сорок пять.

Боже, какой ужас! Сорок пять целых лет!

В ее невеселые размышления снова вклинился недовольный голос матери.

– Что, что ты сказала?

– То и сказала! Нечего из себя корчить там... – Мать сердито попыхтела. – Если живешь в Москве, думаешь, на другой планете?

– Ой, мам, не начинай, ладно?

Она поморщилась и тут же шлепнула себя по щеке. Подобные гримасы недопустимы. Вокруг рта сразу глубокие морщины и «гусиные лапки» у глаз, как борозды под посадку.

– А чего мне начинать-то, дочка! Я не начинаю. Просто... Повидаться бы. Уже сколько лет тебя не видела. – Мать отчетливо всхлипнула. – Подохну, хоронить-то хоть приедешь?

– Приеду, – соврала она. – Как же не приехать.

– А вот и не надо приезжать, – неожиданно испуганным голосом произнесла мать.

– Почему?

– Потому что... Потому что, мне кажется, он вернулся! Вернулся и начал мстить! – Мать скороговоркой произнесла четыре слова из короткой молитвы и продолжила бубнить: – И не я одна так думаю, дочка. Все так думают. Шептаться

стали. Что-то прямо...

– Ма!

Она помолчала, слегка опуская веки, и сочла, что при такой ретуши выглядит еще очень ничего. В размытом изображении она по-прежнему красива.

– Ма, хватит выдумывать. И стонать прекрати. Говори толком: кто вернулся, за что мстит.

– Валера вернулся! – бабахнула мать громко, словно в пустой комнате. Даже эхо прокатилось.

Может, мать в дурке давно, вдруг подумала она. А они с мужем пропустили эту новость из-за вечной своей занятости. Сидит себе в пустой палате и шалит. Раздобыла где-то телефон, может, даже ukrала – она могла. Раньше за ней водились подобные шалости. Сидит теперь на больничной койке в психлечебнице и сочиняет небылицы, чтобы ее попугать, жизнь окончательно испортить.

– Ма, а ты сейчас где? – поинтересовалась она.

– В спортзале, где же еще! – фыркнула мать.

Она чуть не расхохоталась. Ну вот! И что тут можно добавить?

– В каком спортзале, мама?

Она отвлеклась на родинку под левой ключицей. Кажется, или она стала чуть крупнее и выпуклее? Надо бы доктору показаться.

– В школьном спортзале, дочка. В школьном. Я уже два года уборщицей в школе работаю. Я же говорила тебе. Забы-

ла? – Голос матери стал обиженным.

Она вдруг вспомнила: действительно мать что-то такое рассказывала. Про школу. Про работу. Про нехватку денег на пенсии. И если она сейчас не в психушке, а в школьном спортзале полы моет, то значит...

– Это что, все правда, мам?

Она отступила от зеркала и на одеревеневших ногах пошла к дивану. Упала в мягкие подушки, прикрыла глаза. В висках неожиданно застучало.

– Что все, дочка?

– Про убийство Виноградова? Про то, что народ треплет, будто Валера вернулся и мстит? – Забытое имя еле соскользнуло с языка, так сложно было его произносить. До сих пор сложно.

– Здраассте! – протянула мать с обидой. – Ты пьяная там с утра, что ли?!

– Не пью давно, мам. – Ее взгляд прошелся по полкам с бутылками за стеклом высокого шкафа. – И тебе не советую. Лишние морщины появляются.

– Мне замуж не выходить. И с морщинами проживу как-нибудь. А вот как ты теперь станешь жить?

– Так же, как и все эти двадцать пять лет, мам. Счастливо!

– Ну, ну...

– Так что там с Виноградовыми? Что у них стряслось?

– То и случилось... Внука Васиного на рынке подстрелили.

– Василий Виноградов, это тот, о ком я думаю? – Она задала свой вопрос очень серьезно, со значением.

И мать поняла.

– Тот самый, о ком ты думаешь.

– И как погиб его внук?

Ей было неинтересно, но знать она обязана. Ей потом придется делиться этой информацией с мужем. Если не расскажет или что-то неправильно поймет, у нее могут быть проблемы.

У них могут быть проблемы!

– За день до этого там случилась какая-то драка. Толком не знаю, врать не буду, – затараторила мать. – Хулиганов забрали, потому что один из них пистолетом размахивал. Как потом оказалось, пистолет был игрушечный.

– Обалдеть, народ развлекается! – рассмеялась она.

– Слушай дальше... Их забрали и отпустили. А на другой день снова на рынок полиция нагрянула и принялась то место, где драка была, обыскивать.

– Зачем? – Она сощурилась, хотя и знала: морщинам это только в помощь.

– Кто-то полицейским шепнул, что пистолет поначалу был настоящим. Это когда им размахивали. Потом, мол, подменили на игрушку, а настоящий припрятали в прилавке. Забрать его тот, кто размахивал, ночью не мог – рынок заперт. А утром народу полно. Полиция к десяти утра туда нагрянула и принялась все обыскивать. Продавцы бучу подняли,

мол, работать второй день не дают. Вчера драка. Сегодня обыски. Какая-то суматоха, гвалт поднялся. И вдруг стрельба. Бабы рассказывают, что несколько выстрелов было. Внучка Василия Виноградова подстрелили. Но вроде не его хотели-то, вот в чем весь секрет.

Мать внезапно замолчала, словно споткнулась о слово.

– А кого? – Она сразу насторожилась.

– Сашку... Сашку Корнеева вроде хотели подстрелить, а кто-то Виноградова толкнул, и он вроде как его собой закрыл. Так болтают.

Мать шумно дышала в трубку.

– А что Сашка Корнеев делал в тот момент на рынке? Он за покупками пришел? Или торгует чем?

– Мент он, дочка. Мент. Как с армии пришел, так сразу пошел в полицию устраиваться.

– Старая сволочь! – прошипела она злобно. – Сам всю жизнь там проторчал и парня по своим стопам направил!

– А кто же его еще направит, как не старая сволочь? – хмыкнула мать. – У него же больше никого нет...

– Заткнись, – перебила она, подумала и спросила: – У тебя все?

Наверняка информации больше нет. А слушать то, что бабы говорят, она была не намерена.

– У меня-то все, а у тебя? – проговорила мать с укором. – Ничего еще не хочешь узнать?

– Хочу.

– Спрашивай тогда.

– Кто размахивал игрушечным пистолетом?

– Федоров. Старший Федоров. Старый пень, а все туда же.

Ему уж под шестьдесят, а...

– С кем он дрался?

– Ой, вот не скажу. – Мать даже расстроилась. – Но обыск начали с его прилавка. Он овощами торгует.

– И выстрелил он?

– А вот и нет, что главное-то, – оживилась мать. – Будто кто-то из толпы стрелял. И все хором говорят, что Валерку видели. Узнали, мол, его.

– Ма, не мели чепухи. Хоть ты-то не мели, хорошо! – взорвалась она, соскочила с дивана и принялась метаться по огромной комнате, полной бесполезной дорогой мебели. – Если это был Валерка, то зачем ему стрелять в Корнеева?! Сама посуди!

– Ну да, ну да...

– Нет, мать. Если это был он, то совершенно точно стрелял в Виноградова, внука Василия Николаевича. Ему он мстил, если что. Но я не верю... Не верю, что это он! Двадцать пять лет прошло. Где он был все это время?..

Муж вернулся почти в полночь, она трижды засыпала и просыпалась, дожидаясь его в гостиной. Он не ожидал, что она там. Вошел, сразу включил верхний свет и шагнул к огромному шкафу, забитому алкоголем.

– Бухать собрался? – спросила она, поднимаясь из подушек. – Чего так поздно?

– Дела.

Он даже не обернулся. Стоя к ней спиной, достал начатую бутылку виски и налил себе половину стакана.

Она с ненавистью его рассматривала. Годы ничего гадкого с ним не сотворили. Такой же худощавый, мускулистый, широкоплечий. Седина, с которой она день за днем боролась, ему даже шла. Подправленные хирургом скулы и разрез глаз сделали его настоящим красавчиком. Девки висели на нем гроздьями. Но, к чести его, надо сказать, он никогда не заходил дальше позволенного. Только секс. Никаких обязательств.

– Жена у меня только одна. Ты, – утешал он ее как-то после очередного бурного выяснения отношений. – И никогда другой не будет...

– Как зовут твои «дела» сегодня? Таня, Маня, Анжела?

Она не хотела, зарекалась, но вырвалось само собой. Слишком хорош он был сейчас. Слишком желанен. Но тащить его в постель после очередной шлюхи она не станет. Противно. А он точно был с бабой. Она знала его, как никто. Эта расслабленная мягкость в движениях. Ленивый взгляд. Потребность глотнуть виски.

Секс. У ее мужа точно только что был секс. Может, прямо в машине.

– Малыш, мы договаривались, – ответил он спокойно и

сделал глоток. – Если ты только по этой причине не спишь, зря.

– Не по этой. Мне звонила мать.

Она села на диване, похвалив себя за то, что в шелковом спальном гарнитуре сейчас, а не в хлопковой пижаме. И ее длинные волосы, все еще шикарные и блестящие, спутались так, как надо. Ему всегда это нравилось.

– И что хотела мать? – Он присел рядом, пристальным и оценивающим взглядом прошелся по ее фигуре. – Ты хороша, малышка. Ты знаешь, что все еще невероятно хороша.

– Подожди, Дима... – Она поймала его руку на своем колене и пресекла все попытки залезть под подол. – Все очень серьезно... В нашем с тобой родном городе начали происходить странные и страшные вещи. Ты не в курсе?

– Нет. Давно там не был. Более двадцати лет. Точнее – двадцать пять. А что там не так? – Он откинулся на подушки, сделал еще глоток и лениво прикрыл глаза. – Рассказывай, рассказывай, я весь внимание, малыш.

И она начала пересказывать ему разговор с матерью во всех подробностях. Не исключила даже то, что она заподозрила мать в слабоумии.

– Это все, – произнесла она и замолчала.

– Н-да...

Он рывком поднялся с дивана, снова подошел к шкафу и налил себе еще. Понаблюдав, как колышется поверхность янтарной жидкости, и выпил все до дна. Стакан с грохотом

поставил на стеклянную полку, закрыл дверцы. Минуту молчал и вдруг повернулся к ней со словами:

– Ты же не думаешь, что все это правда?

– Думай не думай, Дим, а люди все видели. И стрельбу, и то, как Федоров стволом размахивал, и как кто-то толкнул Виноградова, и тот схлопотал пулю, вместо...

– Я не об этом, милая, – перебил ее Дима. Он медленно подошел, дернул за руку, поднимая с дивана, и прошептал, глядя ей в глаза странным отсутствующим взглядом: – Ты же не думаешь, что он на самом деле жив?

Глава 4

– Это будет твой первый допрос, стажер, – предупредительно поднял указательный палец начальник оперативно-розыскного отдела и тут же ткнул им в его сторону: – Смотри, не налажай!

– Так точно, товарищ майор. – Саша нервно двинул по столу бланки протоколов допроса. – А вы будете присутствовать?

– Так точно, стажер, – хмыкнул майор Исхаков. – Неужели ты мог подумать, что я оставлю тебя на растерзание такой акуле, как Коля Федоров?

– А кто он вообще такой? – Саша Корнеев сцепил пальцы на затылке и напряжинил мышцы шеи. – Когда их привезли в отдел после драки, он очень вежливо себя вел, не наглел. Не то что его оппонент.

– А кто был его противником? Никто! Рвань уличная. Тому терять нечего. Ему на нарах даже лучше, чем у костра на развалинах. Бомж он. А Коля... Коля, это фигура. Авторитет.

– И чем же он такой авторитетный? Фруктами и овощами торгует. Место, да, у него лучшее на рынке. А так...

– А теперь молчи и слушай, стажер. Странно, что тебя дед не просветил.

Исхаков выбрался из-за стола, взял что-то из ящика и по-

дошел к большой магнитной доске, на тот момент пустой. Но майор тут же принялся развешивать на ней фотографии, прищипывая их круглыми разноцветными магнитами.

– Николай Федоров, тысяча девятьсот шестьдесят первого года рождения. Родился и вырос в нашем городе. Женат. Детей нет. Сейчас ведет тихую жизнь законопослушного гражданина. Торгует потихоньку овощами на рынке. Рыбачит. Ездит с женой за грибами и по ягоды. – Исхаков держал кончик авторучки на центральной фотографии еще довольно молодого Федорова – без глубоких залысин и морщин. – Но так было не всегда, стажер... В тысяча девятьсот семьдесят девятом году Федоров был призван в ряды Вооруженных сил СССР. Через два года должен был демобилизоваться и вернуться домой, но он не вернулся. Остался, по сведениям, в армии и пробыл в ней до девяносто второго года. Вернулся заматеревшим, тертым и сразу принялся сколачивать в городе бригаду.

– Бригаду? – не понял Саша.

– ОПГ – организованная преступная группировка на языке правоохранителей. Бригада в простонародье. Федоров Николай Иванович, он же Николая – ударение на последней букве. Он же Микола, он же Маклай. От Миклухо Маклая фамилию оторвали умники. Кличка Маклай ему, по слухам, особенно нравилась. Женский пол укладывался штабелями, когда он отирался поблизости. Кожаная куртка косуха. Джинсы «варенки». Белые кроссовки. Машина крутая.

Пистолет не всегда прятал. Он так и болтался у него в кобуре под мышкой.

– А полиция?

– Милиция в то время, стажер. А что милиция? – Исхаков пожал плечами. – Ты у деда своего спроси, сколько раз он пытался Федорова закрыть. Он тебе ответит: много раз, но безрезультатно. Прямых улик и доказательств его вины в кровавых разборках, угонах, разбоях и заказных убийствах не было. Никто из задержанных, а их было немало, ни разу не показал на Маклая пальцем. Никто. Никогда. Вот и дожил он до седых волос, ни разу не отсидев срока. А ему точно пожизненное вlepили бы.

– Ничего себе. – Саша обеспокоенно глянул на дверь, в которую вот-вот должен был войти Федоров. – И что случилось теперь? Жил себе тихо спокойно, и вдруг...

– Ничего не «вдруг», стажер.

Исхаков глянул на часы, сообразил, что подошло назначенное Федорову время, и быстро снял со стенда все фотографии. Всего их было пять: портрет его самого и еще четверых незнакомых Корнееву личностей.

– Все потом, Александр. Все потом. Не нужно, чтобы Федоров видел это. Пусть считает, что мы ни о чем таком не догадываемся.

Майор вернулся за стол, швырнул снимки в верхний ящик, и через мгновение дверь открылась. Вошел Федоров.

Если бы Саша случайно встретил этого человека на улице

или встал за ним в очередь в магазине, он бы никогда не подумал, что это бывший главарь банды.

Открытый взгляд, высокий лоб, приветливая улыбка. Никакой суетливости в движениях, напряженности или страха. Нормальная походка. Приятные манеры.

Он вдруг почувствовал, что ведется на обаяние, волнами исходившее от вошедшего мужчины, и решил играть.

– Присаживайтесь, Николай Иванович. – Саша указал на стул возле своего стола.

– Здесь? Не в допросной? Не за стеклом? – неожиданно хмыкнул Федоров, покосившись на Исхакова.

– У нас не допрос. Беседа. Необходимо кое-что уточнить.

– Под протокол? – выгнул брови дугой Федоров.

– Если сочтем важными ваши показания, то да – запроколируем. – Саша осторожно улыбнулся. – У вас на рынке что ни день, то побоище. Коллегу вот моего подстрелили. Хорошо, что жив остался. А то...

– Жив?! Васькин внук жив?! – неожиданно заволновался Федоров, вытер ладонью вспотевший лоб и выдохнул. – Уфф, слава богу! А то болтали по городу: застрелили, застрелили!

– А что же, Коля, ты сам не узнал у дружка своего, Васи Виноградова, жив его внук или нет? – вставил Исхаков, медленно перебирая пальцами по клавиатуре. – Не общаетесь, что ли?

– И не общаемся. – Федоров скосил взгляд на майора. –

Да и кто же о таких вещах спрашивает? Позвоню и спрошу: Вася, жив внук-то, нет? И если честно, у меня даже номера его нет.

Он снова сел прямо и внимательно уставился на Сашу. Корнееву даже показалось, что Федоров его как будто с кем-то сравнивает, так странно тот смотрел.

– Так что скажете по существу данного вопроса, Николай Иванович? Что за беспорядки? Сначала ваша странная драка с бездомным. Как там его?..

Саша перевернул страницу и сделал вид, что читает, хотя отлично помнил, с кем подрался Федоров.

Гражданина без определенного места жительства звали Виталий Сергеевич Солдатов. Лет ему было столько же, сколько и Федорову. Наверняка знали друг друга с детства, в школу одну ходили и на танцы.

– Солдатов, – подсказал Федоров. – Виталька Солдатов. Окончательно свихнулся. Живет в развалинах. Жрет на свалке. А квартира стоит запертая.

– У него есть квартира? – изумленно воскликнул Саша.

– Есть. В том-то и дело, что есть хата. Не хочешь в ней жить, не живи. Сдай. Хоть какой-то прикорм, так ведь? – Федоров дождался согласного кивка стажера и продолжил: – А он хату запер и воровать подался.

– Воровать?

– Ну да. Драка-то из-за чего началась? Он у меня с прилавка ананас спер! Ладно бы огурец или пару картофелин. Я

бы еще понял и шума не поднял: жрать захотел и все такое. А он ананас уволок и пошел, нагло так: посвистывает, даже фрукт не спрятал. Я ему – стоять. А он мне: да пошел ты. Слово за слово... Понимаете? – Федоров честно и проникновенно заглянул Саше в глаза. – Я и драться-то не хотел, просто напугать его. Стой, говорю, стрелять буду, и игрушку достал. Всегда ношу с собой...

– По привычке, Маклай? – ядовито поинтересовался Исхаков.

Федоров, запнувшись, обернулся на майора и глянул тем самым взглядом, который сразу просигналил об опасности. Недолго он так смотрел – секунду-другую, – но Саша уловил и тут же поверил во все рассказы Исхакова.

Да, перед ним не мирный пенсионер, торгующий огурцами и апельсинами. Это матерый преступник, вовремя ушедший на покой... или в подполье.

– Молодежь нынче наглая, – медленно протянул Федоров, не сводя взгляда с Исхакова, – ничего не знают и не слышали об авторитетах.

– И о понятиях, да? – ухмыльнулся майор. – Чтобы их попугать, ты игрушку в кармане штанов таскаешь? Не убедил ты меня, Маклай. Что произошло между тобой и Солдатовым? Что он хотел от тебя? Денег? За что? За молчание?

– Не знаю, – глухим голосом ответил Федоров и уставился в угол кабинета, не мигая. – У него спроси.

– И спрошу, Коля. Спрошу непременно. Только, думаю,

не сдаст он тебя. Как не сдал, когда сел за тебя по статье за угоны транспортных средств. Он же для тебя машины угонял, Коля.

– А вот и нет! – вдруг оживился Федоров, вскакивая со стула. – К их угонам я отношения не имею. Это тебе, начальник, с дружками папаши его надо базарить. Их тема была, не моя. Я туда не совался.

Он мотнул подбородком в сторону Саши Корнеева, и тот остолбенел.

Какие дружки? Какого папаши? Бабушка всегда говорила, что его отец был геологом и сгинул в горах, когда лавина сошла. Вместе с матерью.

– Не понял. – Саша тоже встал и уставился на Федорова. – Какого папаши?

– Твоего, молодой. Твоего!

– И кто же мой папаша, по-вашему? – Язык у него еле ворочался, а в висках давило так, что глаза, кажется, вот-вот лопнут.

– Не по-моему, молодой. А по генам. – Федоров, было видно, очень обрадовался, переключив внимание на него. – Валера Хлопов был твоим папашей. А мать – Лиза Усова. Что, дед тебе другую легенду заготовил? Чистенькую? Где нет матери шлюхи и отца угонщика?

Сашин кулак просвистел в сантиметре от его лица. Федоров резко отпрянул – успел, навыки опасной жизни еще не растерял. Исхаков бросился между ними. Приказал Федоро-

ву ждать в коридоре, а Сашу отшвырнул к стене. Схватил за воротник, сжал, зашипел:

– Ты чего себе, стажер, позволяешь?! Хочешь вылететь, не дождавшись конца испытательного срока?! Идиот! Первый допрашиваемый тобою бандит тебя сделал. Нашел слабое место и сделал на раз. А у нас нет слабых мест, Саша! Нет, и не может быть! Ты опер, понял!

Исхаков убрал руки с его воротника, одернул рубашку и толкнул к стулу. Саша послушно сел. Потом поднял на майора глаза обиженного ребенка и спросил еле слышно:

– Как так? Они все: и дед, и бабушка... Они говорили мне... Получается, ввали?! Всю жизнь ввали?!

– Жизни твоей четвертак всего, – фыркнул майор, уперся кулаками в край его стола, склонился почти к его лицу и зашипел: – А что они должны были тебе сказать? Мать твоя непутевая после того, как отец твой сгинул, в роддоме тебя оставила? Это тебе должны были сказать?

– Сгинул? Как сгинул?

– Почти как под лавиной, стажер. Поиски результатов не дали. Дед твой дело вел, но так ничего и не добился. Сгинул Валерка, словно и не было его никогда.

– А дело... Оно в архиве?

– Вроде да. Очередной «глухарь». Хочешь взглянуть? Могу запрос сделать.

– Да. Хочу. – Саша встал и направился к выходу. – Товарищ майор, с вашего позволения я допрошу Солдатова? А с

Федоровым как быть?

– Я сам с ним разберусь, – кивнул Исхаков. – И ты прав, с допросом Солдатова тянуть нельзя. Если там что-то завозилось, они его уберут...

Глава 5

Она сидела за столом в кухне перед коробкой с тортом. Коробка была закрыта, она даже ленточку с нее еще не срезала. Любовалась затейливым бантом, стараясь не смотреть на состав и количество калорий в ста граммах продукта. Что толку их считать? Без этикетки ясно: калорий до хрена, и жрать торт ей строго противопоказано. Её лишний вес за последние пять лет стал очень даже заметным. В отчаянной борьбе с ним она постоянно проигрывала. Малодушие, хороший аппетит, одиночество, скука – это были ее главные противники в борьбе. И еще работа дома, да.

Когда ей приходилось по утрам вскакивать по будильнику, бежать в ванную, убирать постель, потом одеваться, быстро краситься, делать прическу, она не всегда успевала чашку кофе выпить. О каком завтраке речь!

А на «удаленке» что? Благодать! Встать с постели можно на два часа позже. Прическу делать, краситься, наряжаться совсем не обязательно. Ее босс от видеоконференций среди недели отказался сразу. Раз в неделю по пятницам после обеда, и все. Поэтому и работала она с понедельника по четверг в пижаме. И волосы, длинные густые, небрежно скалывала на макушке, забыв, что такое локоны. Лицо она лишь умывала, не подкрашивая. И в пятницу, стыдно признаться, надевала блузку, а штаны оставляла пижамные!

Из дома она выбиралась лишь в выходные, и то за тем, чтобы закупить продуктов на неделю. Часа два она таскалась с тележкой между прилавками, делая пометки в длинном списке. Закупив все по списку, она ехала домой, все выгружала и садилась к телевизору.

Она почти перестала видаться с друзьями. Их и осталось-то всего ничего: трое. Все бывшие одноклассники: Коля, Вася и Светка. Коля с Васей постоянно были в каких-то командировках. Когда возвращались, семьи рвали их на части, и им было не до нее. А Светка ей опротивела еще пару лет назад, когда взялась критиковать ее жизнь.

– На кого ты похожа, Алла?! Ты же жирная! Прекрати поглощать калории в таком количестве! И двигайся уже!

– Куда? Я дома работаю, – пыталась она протестовать.

– И что? Я тоже дома работаю уже десять лет. И посмотри на меня!

Светка гладила свой плоский живот. Трогала крошечную попку. Вытягивала тощие ноги. Демонтировала отсутствие двойного подбородка.

– И как тебе это удастся?

Она была просто обязана задать этот вопрос, хотя ответ давно знала. Светка сидела на мощной диете. Не вылезала вечерами из спортзала. В выходные совершала какие-то многокилометровые прогулки. И да, почти ничего не ела. А диетического чуть-чуть.

Алла так не могла. Она любила готовить, любила поесть и

ничего не могла с этим поделать, хотя и понимала, что гибнет. Лишние килограммы вдруг принялись поедать ее здоровье. Начала болеть спина, ноги. Появилась одышка. Уровень глюкозы в крови придвинулся к пограничной отметке.

Ей срочно надо было завязывать со жраньем, и уже пару вечеров она ограничивалась одними яблоками. Их было много, четыре за вечер. Но это были яблоки, не бутерброды с колбасой и сыром.

И тут вдруг этот торт! Провокация! Вредительство! И от кого?! От Тони, соседки – молодого фельдшера со «Скорой».

– Аллочка, прими, пожалуйста, – сунула она сегодня утром коробку через дверь. – Угостили, а я не ем сладкого. Вообще! А ты, я знаю, любишь.

Тоня умчалась вниз по лестнице: тонкая, звонкая. А Алла осталась стоять в дверях со злополучной коробкой торта.

От обиды дрожали губы.

Что соседка о ней знает? Сладкое и сдобное любит – да, а еще? И откуда знает про ее любовь к выпечке? В пакеты подсматривает, когда Алла их от машины несет? В мусоре роется? Или отслеживает ее вес?

Тьфу, гадость какая.

Алла вдруг встала, схватила коробку с тортом и отнесла ее на балкон. Пусть вымерзнет там до несъедобного состояния! Превратится в пыль к весне, и тогда она выбросит его без сожаления.

Громко хлопнув балконной дверью, она вернулась за обе-

денный стол и неожиданно затихла.

За стеной начиналось самое настоящее представление. Дед скандалил с внуком. Громко! С надрывом! Такого никогда прежде не случалось. Ей, чтобы узнать, как они там вдвоем живут-поживают, приходилось прикладывать ухо к большой металлической кружке, а кружку – к стене. Но сейчас она даже без кружки слышала вполне сносно.

Нет, кружку она все же взяла – ор сделался нечленораздельным. На все про все у нее ушло двадцать минут. Потом внук Ивана Сергеевича, Сашка, принялся хлопать дверцами шкафов. Надо полагать, собирал вещи. Алла прикусила нижнюю губу, и какое-то время сидела, не моргая.

Если Саша съедет от Ивана Сергеевича, тот погибнет. Помрет от тоски и одиночества. Он уже старый, заедать стресс не приученный. Он не сможет бороться с тоской, как она, к примеру, выпекая пирожки за коврижкой, шанежки за кулебякой. Он просто помрет. А этот дебил потом будет давиться слезами над могилой деда и просить у него прощения. Только прощения не будет. Останется тоска и чувство вины, с которым придется жить вечно.

В квартире за стеной стихло, и Алла, на ходу роняя тапки, побежала в прихожую. Двери они открыли одновременно: она и Сашка.

– Здравсте, – буркнул он, пряча глаза под длинным козырьком зимней бейсболки.

– Здорово, – кивнула она, скрещивая руки перед грудью,

и взглядом указала на дорожную сумку. – Далеко собрался?

– Да. За город.

– В бабкин дом? – округлила она глаза. – Умно... А Иван Сергеевич что же?

– Ничего. – Козырек бейсболки приподнялся выше, из-под него на нее глянули совершенно несчастные глаза. – Он против. Но он сам виноват. А что?

– Да так. Ничего.

Она пожалала плечами, не зная, как остановить этого засранца, заставить его не совершить глупость. Серьезную, непоправимую.

– Всего доброго, – кивнул Саша и шагнул к ступенькам.

– Погоди.

Алла сделала суровое лицо. С таким она обычно общалась в пятницу после обеда в режиме онлайн-конференции с подчиненными, если они косячили. Их пронимало.

Сашка остановился. Глянул на нее, на часы. Ах, ты же засранец! Демонстрируешь занятость?

– Я кое-что слышала. Из вашего скандала, – пояснила она в ответ на его вопросительный взгляд.

– Подслушивали? – попытался он ее смутить прищуренными глазами.

– И стараться не надо было. Вы так орали, – фыркнула Алла искренне.

– Ну, слышали и слышали. Что такого? Дед и внук немного разошлись во мнениях. – Он спустился уже на две сту-

пеньки.

– А мое мнение на этот счет тебя не интересует?

– Нет. – Он повернулся к ней спиной.

– А зря. Мне кое-что известно о той забытой всеми истории. И даже не кое-что, а достаточно много.

Он повернулся и неожиданно передумал уходить. Подошел к ее двери и остро глянул.

– Достаточно для чего?

– Для того чтобы ты не наделал глупостей и не оставил деда одного. А Тоня на днях уже его спасала.

– Тоня, это? – Сашка указал на дверь фельдшера «Скорой». – Она?

– Так точно.

– И от чего она его спасала? – Его рот все еще недоверчиво кривился.

– От сердечного приступа.

Тут Алла не соврала ни грамма. Тоня рассказала ей: Иван Сергеевич так перепугался за внука, что едва стоял на ногах.

– Да, да, все так. Не сомневайся.

– Черт!

Сашка швырнул дорожную сумку на бетонный пол лестничной клетки и нервно заходил по ней.

– Вас ведь Алла зовут? – глянул он исподлобья.

– Так точно.

– А по отчеству?

– Ох, Господи! – Она закатила глаза и покосилась на свои

мощные колени, обтянутые пижамными брюками. – Толстая, Александр, не значит старая. Просто Алла. И можно на «ты».

– Угу... – Он встал в центре их лестничной площадки и задумался.

– Слушай, а ты чаю хочешь? С тортом? – неожиданно нашлась она. – Вижу, хочешь. Входи. Мне нельзя, а тебе можно. На твои кости жир никогда не нарастет. Одно слово: порода.

Он дернулся, словно она его хлестнула. Потоптался и глянул так, словно видел ее впервые.

– А что вы знаете о моей породе?

– Я-то?... – Она осмотрела его с головы до ног и покивала. – Я знаю все! Или почти все. Входи, пока я не передумала.

Он вошел, разулся. От тапочек, которые она держала в огромном количестве для гостей, отказался и пошел на кухню в носках. Осмотрел коробку с тортом, которую она вернула с балкона на стол.

– Классный торт. Я пробовал. А вы чего же? На диете?

– Пытаюсь.

Несчастливыми глазами она наблюдала за тем, как он отрезает одну шестую от бисквитного круга и кладет себе на тарелку. Прокатала в голове сразу несколько вариантов себе в оправдание: от «а что такого от одного куска случится» до «ничем уже фигуру не испортить, даже этой сладкой высококалорийной отравой». И уже тарелку себе достала и ложечку, но неожиданно встала как вкопанная.

– Правильное решение, – вдруг похвалил сосед, угадав ее

настроение. – Сила воли у вас, я скажу...

На самом деле силы воли у нее не было ни на грош. Была бы, она выглядела бы как Светка: с плоским животом, маленькой попкой и стройными худыми ногами. Если бы у нее была сила воли, она бы вечером не чипсы перед телевизором точила, а по стадиону металась. Или хотя бы гуляла по улице туда-сюда.

– Ты сильно обиделся на деда? Настолько, что решил уйти из дома и оставить его одного... Умирать!

– Почему сразу умирать! – взвился парень.

– А чем ему еще заниматься, если ты его бросишь? Только смерти ждать. – Она медленно тянула ледяную воду из высокого стакана. – А на что обиделся?

– Он мне соврал! И он и бабушка. Какие-то легенды мне все детство рассказывали об отце-геологе и матери – его помощнице. О трагедии в горах. А я, как дурак...

– И ты, как дурак, верил и даже ни разу не усомнился, когда ребята во дворе или школе пытались тебя поддеть? – Она хмыкнула. – Извини, Саша, но тут уж я тебе не верю.

– Почему?

– У нас не маленький город, но и не такой большой, чтобы слухами не полниться. Где-то кому-то кто-то сказал, тот передал другому, тот еще кому-то. Не мог ты в детстве ничего такого не слышать. Не мог! И когда подрос... Ты же не в вакууме жил. Ходил в школу, секции посещал наверняка. И там что же? Никто не намекал тебе о твоём происхождении?

Он замер с ложкой у рта. В ней, как в колыбели, лежал кусочек бисквита, пропитанный клубничным джемом и кремом. Она громко сглотнула и вцепилась губами в край стакана с водой.

– Может, и намекали, пока я был еще ребенком. Не помню. – Он равнодушно пожал плечами. – Когда стал старше, речи об том вообще никто не заводил.

– Забыли.

– Почему?

– Твоя бабка сделала так, чтобы забыли. Не потворствовала разговорам. Стерла из памяти общественности факт, что Валера Хлопов вообще существовал.

– Хлопов? Почему Хлопов?

– Это фамилия твоего деда. Настоящего деда, мужа твоей бабки. Корнеевой она стала уже потом, когда Валерка пропал. Дед твой с горя очень быстро спился и помер еще до твоего рождения. Она свою девичью фамилию вернула и тебя под ней записала, забрав из роддома. И стал ты Корнеевым, хотя должен быть Хлоповым.

– А он, значит, в самом деле сгинул?

– Да. Только не в горах, как тебе бабка рассказывала, а на заправке. Не тарачи на меня глаза, парень! – прикрикнула на него Алла. – Обычная заправка, куда парни свернули, чтобы пополнить запасы горючего. Оно у них, по сведениям, было на нуле.

– Заправились и?

Он ел ее торт, как кусок хлеба. Без наслаждения, не смакуя. Она его за это почти ненавидела, давась водой.

– Слушай, Сашка. – Алла с грохотом поставила стакан на стол. – Этот разговор очень долгий и серьезный. Давай так: ты сейчас относишь сумку с вещами домой, извиняешься перед дедом, и мы с тобой после семнадцати ноль-ноль идем на долгую прогулку. И я тебе все-все-все расскажу. Мою историю, поверь, не знает никто. Даже твой дед. Со мной тогда никто не стал разговаривать. Мне было всего четырнадцать. А я очень много знала! Очень... Кстати, а чего ты не на службе?

– Я уехал допросить свидетеля, а его не оказалось на месте. Я завернул домой и поскандалил с дедом. – Его мордаха сделалась по-настоящему несчастной, и он добавил: – Блиин, я с ним так гадко поскандалил.

– Все. Иди. Извиняйся. И пойдем на прогулку уже... – Она сверилась с настенными часами. – Через двадцать пять минут.

Глава 6

Ему пришло время умирать. Он это осознавал. За ним придут не те, так другие. Если менты придут за ним, снова будет суд, и его опять посадят. Им все равно за что. Они найдут к чему придраться. Возьмут и за бродяжничество упекут, с них станется. Виталий не был уверен, что подобная статья существует, но был готов пойти на очередной срок и за это. Лишь бы выжить.

Хотя нары это не выход. Его найдут и там.

Не те, так другие.

Он прислонился к ледяной бетонной стене, сунул в рот корку черного хлеба и принялся ее медленно пережевывать. Ему очень хотелось есть, но он боялся заходить в магазины. Все время казалось, что там его непременно ждут у входа.

Не те, так другие.

– Виталик, ты идиот!

Эту фразу он впервые услышал от своей жены – молодой пышнотелой Лидочки, за которой бегал целых два года, прежде чем она дала согласие на брак.

– Ты идиот! С кем ты связался?!

Они прожили всего ничего – полгода, а она уже в нем разочаровалась и не скрывала этого. Все время называла себя дурой, поверившей в его обещания, и восклицала, заламывая красивые полные руки:

– Как я могла так вляпаться?!

Вляпался на тот момент, конечно же, Виталик, а не она. Но Лидочка считала пострадавшей только себя. Он тогда ее уже перестал интересовать. И это через полгода совместной жизни!

Лидочка от него сбежала через полтора месяца после его залета с каким-то дальнобойщиком. Обосновалась с ним в маленьком курортном городке, зажила сыто и удобно и думала, что Виталик навсегда исчез из ее жизни, никогда не напомнит о себе ни словом, ни делом.

Она заблуждалась!

Как только он вернулся после первого срока, отсидев три с половиной года, Виталик сразу поехал туда, где поселилась его любимая. Пару недель загорал, купался в море и попутно наблюдал за ее семейным счастьем. Позлорадствовал, конечно, не без этого, обнаружив, что дальнобойщик Лидочку поколачивает. А потом взял и угнал у них машину. Сдал с рук на руки парням, с которыми только-только начал работать, и неделю пил и гулял на вырученные деньги. Он потратил их все до копейки просто потому, что было противно прятать их в тайник. Эти деньги он выручил от продажи машины предательницы, и им не было места в его сейфе.

Прошел год. Он работал все на тех же парней. Уставал, иногда сильно рисковал, иногда не очень. И вдруг прошел слух от родственников Лидочки, что дальнобойщик ее погиб и она теперь вдова.

Он снова поехал в тот милый уютный городок, где впервые увидел море. Решил попросить прощения у Лидочки и бросить к ее ногам все содержимое своего сейфа, а там накопилось немало.

Виталик приехал. На местном рынке купил себе белоснежную рубашку из рыхлой ткани, совершенно не державшей форму. Он долго пытался заправить ее в джинсовые шорты, но рубашка упорно выползала из-под ремня и вздувалась на спине огромным пузырем. Виталик плюнул, выпустил ее, разгладил ладонями замявшиеся места и уже через десять минут стучал в ворота Лидочкиного дома.

Ему открыли, но рта раскрыть не дали. Обругали, унизили, наподдали пинков и выбросили за ворота в дорожную пыль.

– Еще раз сунешься, башку оторву, – пообещал мускулистый малый и плюнул Виталику прямо на верхнюю пуговицу белоснежной рубашки из рыхлой ткани. – Вали отсюда!

Виталик свалил, но недалеко. Пару дней он понаблюдал за развитием отношений Лидочки и ее молодого любовника. Понял, что у него теперь вовсе нет шансов, и угнал машину еще и у него.

Тачка была очень крутая и новая. Виталик не знал и даже не догадывался, в какое дерьмо попал, угоняя эту машину.

Проблемы возникли почти сразу после того, как ребята тачку сбросили и получили за нее деньги. Начались какие-то мерзкие разборки.

Потом через несколько месяцев пропал Валерка Хлопов. Тот, кто машину купил, был обнаружен с пробитой головой в овраге. Валерины друзья разбежались в испуге в разные концы страны, а Виталик присел на нары на целых пять лет. И сидел он очень скверно, не как первый раз. Его часто унижали и били. Он голодал и не мог вдоволь покурить – ему не доставалось, все отбирали.

Причина? Да все та же злополучная тачка, которую он угнал у Лидочкиного молодого любовника.

Он только потом узнал, когда следствие по его душу началось, что машину эту парень взял у своего старшего брата, чтобы произвести впечатление на молодую вдову Лидочку. Брат младшего очень любил и дико за него обиделся, а заодно и за себя. И принялся наказывать обидчиков, как умел.

Виталик только потом узнал, что старший брат Лидочкиного любовника был авторитетом того края. Круче него там бандитов не было.

– Ты не того обидел, Виталик, – скалились сокамерники. – Ты и братва твоя...

С той поры прошло четверть века. Он давно забыл, когда держал в руках инструменты. Давно распрощался с преступным прошлым. Запер квартиру и перебрался на улицу. Ему там больше нравилось. Бомжевал себе тихо-мирно, никого не трогал.

Лидочка за те годы, что он сидел, умерла. Родственники всем говорили, что от онкологии, но народ по углам шеп-

тался, что она всеми силами пыталась отвязаться от надоедливового парня, да не вышло. Умерла при невыясненных до сих пор обстоятельствах, а ее дом с землей, возделываемой еще родителями дальнобойщика, отошел мускулистому парню. На первой береговой линии!

То, что все отошло молодому бандиту, было очень странно, он ведь не оформил с Лидочкой законный брак – Виталик так и не успел с ней развестись.

Как раз его – сильно заматеревшего, немного состарившегося – Виталик встретил на днях в городе, на центральном рынке. Молодой крепкий мужик, а звали его Ильей, прошел мимо бомжа, даже не обратив на него никакого внимания. И конечно же, не узнал в нем своего обидчика-угонщика. А вот Виталик его узнал и сразу насторожился.

Не просто так Илья появился в их городе. Не просто!

– Слыхал я, Лидкин отец преставился, – авторитетно выкатил нижнюю губу Коля Федоров, когда Виталик подгрёб к его прилавку. – Два дома осталось безхозных. Добротные дома, хороших денег стоят. И квартира в центре, еще от Лидкиной сестры. Там вообще двузачно по миллионам. Никого из родни не осталось у Лидки. Отец последним был. А деньжищ можно выручить от продажи всей их недвижимости!

– А ты чего это чужие деньги считаешь, Маклай? – спросил Виталик, сразу сообразив, что понадобилось в городе Илье.

– Просто... Мало ли... Может, так окажется, что я брат ей.

Скажем, двоюродный. И наследство теперь мое. А, Виталик? Что скажешь?

Виталик, идиот, повелся на провокацию. Он принялся брызгать слюной, доказывая, что наследником может считаться только он один, потому что развод с Лидой так и не оформил. Ему это было не нужно, а она не заморачивалась – жила с мужиками без росписи.

Он орал, а Федоров кривил рожу в ядовитой ухмылке. И у Виталика сдали нервы. Он наговорил ему лишнего, потом взял и обрушил на пол торгового павильона два поддона с мандаринами. И, схватив ананас – самый крупный, хвостатый, – пошел прочь.

Конечно, Федоров его догнал и набросился с кулаками. Даже игрушку какую-то из кармана достал. Виталик-то сразу сообразил, что это муляж. Оружия он повидал на своем веку. А вот торгаши перепугались, принялись орать. Кто-то вызвал полицию, их с Федоровым скрутили и отправили в отделение. Там, правда, быстро разобрались и отпустили, но...

Этот инцидент привлек внимание к Виталику того самого парня, который странным образом отжал у Лидочки наследство, доставшееся ей самым странным образом. С дальнобойщиком она тоже расписана не была, факт!

Так вот, на следующий день, когда Виталик привычно слонялся по рынку в надежде поживиться какой-нибудь жратвой, Илья возник перед ним словно из ниоткуда. Схватил за шиворот и прижал к бетонной колонне.

– Есть разговор, – прошипел он, рассматривая грязное, давно небритое Виталино лицо.

– Говори, – спокойно отреагировал он, хотя внутренности скрутило от страха.

– Ты ведь тот самый чел, что тачку моего брата поддержнул? – уточнил Илья с неприятной улыбкой.

– Да. Двадцать пять лет назад. И пять лет отсидел за это, – внес он на всякий случай уточнения. – А что такое?

– То, что ты мне должен, – выдал Илья и улыбнулся еще шире, обнажая больные десны. – Сечешь, о чем я?

Набравшись храбрости, Виталик неожиданным, полузабытым приемом освободился от жестких объятий, отбежал на пять метров – ровно столько, как он считал, даст ему фору в случае бегства, – и громко крикнул, стараясь привлечь внимание сограждан:

– Ничего я тебе не должен, понял! Я свое отсидел за угон! И тачку свою вы вернули, братва шепталась. Отвали от меня!

– А то что?

Илья, что странно, не попытался сократить между ними расстояние. Он стоял, сунув руку под куртку и прижав ее к сердцу, так поначалу подумал Виталик. Никто же не вечен. Илья тоже. Вон и зубы у него больные, и сердце наверняка уже барахлит.

Он идиот! Об этом ему Лидочка еще больше четверти века назад говорила. Не болело у Ильи сердце. Его небось у него и не было. Пистолет он там теребил, падла! Пистолет.

Он вытащил его спустя мгновение и прицелился прямо Виталику в лоб.

– Я тебя сейчас уложу, бомж. И мне еще спасибо скажут за то, что мир от такой гниды избавил. Вонючей, бездомной гниды.

– Хрен ты угадал, Илюша, – странно осмелел Виталик, видимо, страх подстегнул. – А вот и не бездомный я. Два дома теперь унаследую, квартиру в центре. И своя хата, к слову, имеется. А если ты явился сюда, чтобы Лидкино наследство к рукам прибрать, то не получится.

– Это еще почему? – Заметив семейную пару, идущую с рынка с сумками, Илья спрятал пистолет за спиной. – Я Лидкин муж...

– Ни хрена ты ей не муж! – заорал Виталик. – Это я ей муж. Законный! Мы так и не развелись с ней, понял? И если там, на море, вам удалось повернуть аферы с домом и землей, то тут не срстется. Так что...

– Так что?

Семейная пара загрузилась в свою машину и укатила. Пистолет снова нацелился Виталику в лоб.

– Так что вали отсюда подобра-поздорову.

Он повернулся и широкими шагами двинул в сторону рынка. Там толпа, свидетели. Илья не станет размахивать стволом. Не уйдет, нет. Будет следовать за ним по пятам, как сейчас. Но стрелять при всех не осмелится.

Перед тем как слиться с толпой, Виталик обернулся и

крикнул:

– Это ничего не даст, Илюша! Если ты меня пристрелишь, это тебе ничего не даст!

– Поглядим, – коротко ответил он, словно тявкнул.

– У меня есть наследники, учти! – Виталик на ходу погрозил ему пальцем. – И тебе здесь ничего не светит. Племянники, двоюродные сестры и брат. Очередь выстроится за моим добром.

Он не врал – двоюродные были. Правда, родства с ним давно не водили, нос воротили при встрече. Кое-кто вообще о себе не давал знать, будто испарился. Но имелись же!

Информация Илью озадачила, и пистолет он спрятал. Или просто испугался подъехавших ментов, взявшихся обыскивать прилавки. А Виталик, наоборот, прибил к ним поближе. Узнал и внуков местных знаменитостей.

Один – Александр Корнеев, внук следака, который как раз Виталика и закрывал. Уважаемый мужик, хоть и мент. Он был до тошноты правильный, не берущий взяток и не веривший клятвам. С ним никогда и никому не удавалось договориться. Почему его не убрали в свое время, черт знает! Корнеев по краю всегда ходил.

Вторым был внук бывшего авторитета Васи Виноградова.

Как парню удалось пробиться в ряды правоохранителей, для всех оставалось загадкой. Может, потому, что Вася не сидел ни разу. Или сейчас считают, что внук за деда не ответчик. Но сам Вася! Он-то как позволил внуку заняться «му-

сорской» работой? Это же не по понятиям.

Виталик как-то, помнится, посвятил этим размышлениям целый вечер, греясь у костра на развалинах, и счел, что это какой-то тонкий тактический ход именно Васи, а не внука. Деду просто очень надо было, чтобы в органах имелись свои люди. Он внука туда и пропихнул...

Виталик, прибившись к толпе, сразу занял выгодную позицию. Он встал между внуками авторитетных людей и суетливо принялся им помогать с обыском. Больше мешал, конечно. Его гнали, на него ругались, но он четко держался возле парней, решив, что лучших телохранителей на данный час ему не найти.

Он все правильно рассудил, потому что спустя минут сорок его взгляд уловил пистолетное дуло. Он не видел лица человека, метившегося в их сторону. В кого конкретно целились, мог только догадываться, но понял, что в него. Он не видел руки, державшей пистолет, только черное дуло, сквозь которое вот-вот должна была пройти пуля. По его душу!

Он упал за спину Виноградова за секунду до выстрела, и пуля, предназначавшаяся ему, пробила парню грудь. В полном хаосе после выстрела он на четвереньках отполз подальше, спрятался за чужими коленями, а потом, когда менты принялись шерстить народ, осторожно покинул рынок.

И что теперь?

Теперь за ним придут либо те, либо другие.

Шансов выжить у Виталика не было. А жить ему вдруг

захотелось. Как никогда! И дело было даже не в наследстве, которое могло свалиться на него как снег на голову и сделать обеспеченным человеком. А в том, что умирать именно так – от пули или ножа – он не хотел.

Лучше замерзнуть на развалинах или сдохнуть на больничной койке от какой-нибудь болезни. Это был бы его выбор и выбор Бога. Но подыхать загнанной тварью, в страхе и унижении перед теми, кто вдруг решил, что ему хватит небо коптить, он не желал категорически.

Хлебная корка закончилась. Голод утолен не был. Виталик осторожно выглянул из-за угла. У подъезда, к которому он держал путь, никого не было, и он искренне надеялся, что так и будет. Его тут никто не ждал. И не мог ждать. Если его пасут, то только возле того дома, где у него была квартира. Или возле жилья Лидочкиной родни, ныне почившей в полном составе.

Здесь – у дома бывшего следователя по особо тяжким преступлениям – его вряд ли станут пасти.

Плотно прижавшись спиной к бетонной шероховатой стене, Виталик медленно двинулся к подъезду. Новенькая металлическая дверь, снабженная домофоном, его не пугала. Он был в курсе, как открываются такие замки. Вскрывал и не такие. Он имел точные сведения, на каком этаже живет Корнеев с внуком, и знал, что предложит им в обмен на собственную безопасность.

Эти сведения дорогого стоили, и дед с внуком совершен-

но точно захотят об этом узнать. Виталик был в этом уверен. Но за просто так он болтать языком не станет. И если не подойдет под программу защиты свидетелей, то пускай хотя бы помогут ему сбежать. Он и на это согласен. Продаст к чертовой матери все, что можно продать, и сбежит.

Над его головой сильно загромыхало. Он вжался в стену, ощущая холод бетона даже сквозь теплую куртку, провонявшую дымом от костра, но ничего не случилось. Просто кто-то открыл балконную дверь или, наоборот, закрыл, и снова стало тихо.

Виталик продвинулся еще на пару метров и замер, пытаюсь в темноте за деревьями рассмотреть то, что там точно двигалось. Это могло быть что угодно: от метавшейся на ветру заснеженной ветки до старого полотенца, забытого на веревке. Это мог быть кто угодно: человек, собака, тень. Но почему так заныло в сердце?

Он трясся всем телом, мелко, как осиновый лист. Он так же сейчас трепетал каждым нервом.

Со стороны угла дома раздались голоса: мужской и женский. Парочка о чем-то оживленно разговаривала или спорила. Плевать. Не важно. Главное – это люди. Лишние глаза. При свидетелях никто не осмелится на него напасть, и он успеет нырнуть в спасательную тишину подъезда. Поднимется на третий этаж и...

Он не успел. Как только протянул палец к кодовому замку, намереваясь набрать ту самую комбинацию цифр, которая

отперла бы дверь, из тени вышел человек.

– Здорово, Солдатов.

Виталик обмер, медленно повернул голову. Руки упали вдоль тела. Он не был готов к этой встрече. Надеялся, что спасет его величество счастливый случай или та сладкая парочка, что неожиданно повернула обратно. Их голосов уже почти не было слышно.

Его ничто уже не спасет. Тон человека, вынырнувшего из тени, не обещал никакого чуда. Виталик умрет прямо здесь и сейчас, именно так, как не хотел умирать. Но это случится, и он смирился.

Глава 7

Алла с Александром уже в четвертый раз подходили к углу дома, но разворачивались и снова возвращались на заснеженную липовую аллею. Они бродили по ней уже два с половиной часа и все время разговаривали. Говорила, правда, все больше Алла. Рассказывала ему о Валере Хлопове.

– Я могу быть необъективной, Сашка. Потому что была страшно влюблена в него. Они на нашу школьную дискотеку как-то пришли втроем. Все крутились вокруг Лизы.

– Это та женщина, которая оставила меня в роддоме?

Другими словами ее назвать язык не поворачивался. Он ее заранее презирал и знал, что никогда не станет искать с ней встречи.

– Да. Это та женщина, которая бросила тебя, даже не взглянув, – не стала подыскивать более мягких слова Алла. – Она дрянь. Всегда ею была и, думаю, осталась. Если жива.

– А может быть иначе?

– С ней все может быть... – Алла взяла его под руку и слегка тряхнула. – Ладно... Давай, расскажу, как я в Валерку влюбилась.

– И как же?

– А с первого взгляда! – Алла тихо рассмеялась. – Он стоял такой... Необыкновенный! Прямо передо мной. Волосы кудрявые, белоснежные. Как у тебя, Сашка! Ты очень на

него похож. Очень! Глаза голубые. Губы улыбаются, а взгляд строгий такой. И спрашивает меня: а чего это малая на дискотеке для взрослых дяденек и тетенок делает? Хотела ответить, что дискотека-то школьная, и мне, а не им, тут самое место. Но язык словно отсох. А когда он меня за руку взял, я чуть в обморок не упала.

– Вывести хотел?

– Не-а. Поцеловал мне руку, представляешь! Ты, говорит, малышка, береги себя. Вон сколько красоты тебе Бог подарил. – Алла опустила взгляд на свои толстые колени, выглядевшие еще толще из-за плотных зимних штанов. – Видел бы он меня сейчас. Ужаснулся бы.

– Ладно тебе, Алла. Ужасаться нечему, кроме лишнего веса. Лицо у тебя по-прежнему красивое.

Он остановился, отошел на пару шагов, оглядел ее всю – от замшевых ботинок на грубой толстой подошве до вязаной шапки с огромным меховым помпоном – и сказал, как гвоздь в крышку гроба забил:

– Ты просто очень толстая, Алла.

– Прямо так вот: очень толстая?

Она хотела обидеться, да не смогла. Парень говорил правду. Не издевался, не насмехался, просто констатировал факт. Она и сама об этом знала. Любила иногда обмануть себя, уговаривала, что не все так плохо, есть люди намного толще ее, и они не парятся из-за лишнего куска хлеба или пирожного. А она всего-то четыре конфеты съела.

– Да. Ты очень толстая, – ответил Сашка. – Жрать надо поменьше, Алла. А то тортики у тебя, как расходный материал. Выбрось все. Переходи на нормальную еду. И будет тебе счастье.

– Уверен?

– Уверен. – Он поводил руками вокруг ее лица. – Ты же очень красивая. Просто тебя стало очень много. Обещаешь?

– Что?

– Что перестанешь себя уродовать?

Она подумала и качнула головой.

– А теперь расскажи мне еще про отца. Ты все больше о своей любви к нему говорила, а как и что тогда произошло – ни слова.

– Ох...

Что она могла ему сказать такого, чего не знал его дед? Повторять сплетни двадцатипятилетней давности? Не станет она этого делать. Это парня заведет в такие дали, откуда он тоже может не вернуться, как и его отец. И она решила, что на сегодня хватит откровений.

– Мы домой попадем сегодня, нет? – Алла рассмеялась и глянула на часы. – Скоро десять.

– Думаешь, дед меня заругает и накажет?

Саша накинул капюшон поверх бейсболки, не спасающей от ледяного ветра, и незаметно передернулся. Надо было так вырядиться! Куртка короткая, термобелье не надел. Продрог до последней кости. Губы синие, и из носа вот-вот потечет.

Но он настырничал. Не хотел показать слабинку.

– Я уже большой мальчик, Алла. – Он глянул на нее сверху вниз. – Могу гулять, сколько хочу, с кем хочу и где хочу.

– Даже большие мальчики, Саша, способны заболеть. Оно тебе надо? Особенно теперь, когда мы с тобой так много выяснили. Все. Хватит. Идем. Ветер усиливается. – Она схватила его за рукав и потащила во двор, на ходу приговаривая. – И дед тебя, конечно же, не заругает. Он будет страшно рад, что ты не съехал, а вернулся домой. И точно захочет обсудить с тобой всю эту историю, объяснить причины, по которым... Так! А это что такое?!

Они как раз завернули во двор и встали как вкопанные. У их подъезда, разгоняя темноту неоновыми вспышками, стояли машины «Скорой помощи» и полиции. Человек десять зевак, взявших в кольцо специалистов, работающих на месте происшествия. Алла насчитала семерых: двое со «Скорой» и пятеро из полиции. Отдельно от толпы стоял Сашкин дед. В накинутом на плечи старом бушлате, с непокрытой головой, ссутулившийся, он показался Саше таким стареньким и беспомощным, что, выпустив руку Аллы, он тут же бросился к нему.

– Дед! Дед, ты в порядке?! – схватил его за плечи Саша, пытаясь заглянуть в глаза.

– Сашка? – Иван Сергеевич поднял на него бледное лицо и вздохнул с присвистом. – Второй раз за два дня испугали меня, понимаешь! Разорались: труп у подъезда. Убили!.. Я

уж подумал...

– Да ладно тебе, дед. – Он неожиданно привлек старика к себе и крепко обнял. – Мы с соседкой Аллой гуляли.

– Хорошо. Идем в дом, Саша. Холодно. И нос у тебя ледяной. Коллеги разберутся.

– А кого убили, дед?

Он попытался заглянуть за спины зевак, в согбенных над трупом фигурах узнать кого-то из своих.

– Идем в дом, – строго глянул на него дед и, крепко ухватив за руку, потащил к подъезду в обход толпы зевак и полицейских.

Саше все же удалось рассмотреть группу, прибывшую на место происшествия. Лица не были знакомы, значит, из соседнего райотдела. Получается, убили у его дома, но на чужой земле.

Они вошли в подъезд, подождали Аллу.

– Ужас! – выдохнула она, как только за ней закрылась тяжелая дверь. – Кого убили?

– Коллеги разберутся, – повторил Иван Сергеевич.

Он призывно мотнул им головой, и они гуськом начали подниматься на третий этаж.

– До свидания, – вежливо улыбнулась Алла, доставая ключ от своей двери.

– Идемте к нам, – неожиданно позвал Иван Сергеевич. – Негоже сейчас вам одной. Идемте, Алла. Попьем чаю. Вы промерзли насквозь. Оба...

Ах, как хотелось ей свежей сдобы, которую выставил Иван Сергеевич на стол! Витые ароматные булочки, блестящие от глазури, с маком и с сахаром. К ним протертая с сахаром клюква в фарфоровой вазочке диковинной формы. Алле почудилась голова единорога, а там кто знает. Коробку конфет открыли ее любимых: с орехами и в вафельной обсыпке. Не чаепитие, а пытка.

– Нет, спасибо, Иван Сергеевич, – вымученно улыбнулась Алла в ответ на предложение скушать булочку. – Я буду чай. Просто чай...

Она запросила зеленый с жасмином. Без сахара!

– Отличный выбор, – едва слышно похвалил ее Сашка, усаживаясь за стол рядом с дедом.

– Итак... – Иван Сергеевич разложил на темной льняной скатерти веснушчатые ладони и погладил грубую старинную ткань. – Где вы были?

– Гуляли по аллее. Тут за углом, – ответил ему внук и потянулся ко второй по счету плюшке.

Алла чуть не всхлипнула, с неожиданной завистью рассматривая его впалый живот. Как не в себя ест! Вот порода! Валерка тоже, она помнила, ел много, но всегда оставался худым. Сильным, жилистым и худым.

– Гуляли и говорили, – подвел черту Иван Сергеевич и глянул на них.

Они покивали.

– О чем?

– Об отце. О женщине, которая меня бросила, – проговорил Саша, запивая булку чаем. – Алла знала их.

– Их все знали. Город не такой большой.

Иван Сергеевич вдруг принялся тереть большим пальцем по самой большой веснушке возле ногтя указательного пальца, словно пытался ее стереть. Потом он остро глянул на соседку.

– А что вы знали о них, Алла? Что вы ему рассказали?

– Я? – Она неожиданно смутилась. – Да ничего особенного. То же, что и все.

– Вот именно! – резко перебил ее Иван Сергеевич. – В этом «то же, что и все» не было правды ни на грош, Алла! Это сплошь сплетни. И вы... И вы решили ему их повторить?

– Нет. Я ничего не повторяла. Я только говорила о своих чувствах к Валере. И все.

– О каких таких чувствах?! – Веснушки на старом лице сделались темно-коричневыми от красноты, поползшей на лицо старика.

– Я любила его. Была влюблена. Очень. – Она осторожно поставила на стол опустевшую чашку и уставилась на ее дно. – Когда он приходил к вам... Редко, но это случалось... Я нарочно выходила из квартиры и караулила его. Он узнавал меня, здоровался и всегда руку целовал. Как в первый день знакомства.

– Где вы познакомились?

Он прямо ее допрашивал, да! Но Алла не обиделась. Она

понимала старика.

– В школе на дискотеке. Они явились туда все: Лиза и они трое. И Валера обратил на меня внимание. Он... Он хорошим был, Иван Сергеевич. Связался не с той компанией, да. Но к нему эта грязь как-то не липла. Он был лучше их всех.

– Потому и погиб, – проговорил он сдавленным голосом, покосился на Сашку. – Не могли мы с твоей бабушкой обо всем тебе рассказать. Ты был ребенком. Сиротой. И так нелегко. Что, погружать тебя во всю эту грязь?! Мы сами в ней не разобрались. А ты? Ребенок! Натворил бы дел подростком. Вот я и... пользовался властью. Грозил каждому, кто пытался глаза тебе открыть на правду. С годами желающих поубавилось. Потом и вовсе перестали эту тему мусолить. А Валеру... Валеру так и не нашли.

– Дед, я попросил майора Исхакова дело из архива запросить. Об исчезновении Валерия Хлопова.

– Зачем?! – Глаза старика сделались страшными, он резко встал и застучал кулаками по столу. – Зачем, Саша?! Зачем?! Ты не понимаешь!..

– Я хочу понять, – перебил его внук.

Он тоже встал и навис над стариком. Саша был выше на полторы головы. Минуту, может чуть меньше, длилась дуэль их взглядов. Потом дед сдался, тяжело опустился на стул.

– Что ты хочешь понять, Саша?

– Я хочу понять, узнать, куда он мог подеваться?

– Не узнаешь, – покачал головой Иван Сергеевич. – Я бил-

ся несколько лет, землю носом рыл. О выходных забыл. Ездил их маршрутом снова, и снова, и снова. Я держал взаперти его друзей. Находил любой повод, чтобы закрыть их на семьдесят два часа и в очередной раз вернуться к теме исчезновения Валеры.

– Что они говорили?

– Лишь разводили руками и говорили, что он сбежал. С деньгами. Но думаю, это вранье. Что-то они знали. Знали и молчали, потому что боялись говорить. Кого? Не знаю, не спрашивай. Но они стояли намертво.

– Почему ты решил, будто они что-то знали? Обычно люди так крепко молчат, когда у них вообще нет информации.

Сашкина рука потянулась за очередной плюшкой. Он поймал жадный взгляд Аллы и протянул ей:

– Будешь?

– Нет, – затрясла она головой.

– Молодец, – похвалил он тут же. – Характерная...

– У них была информация, сынок, – накрыл его руку своей ладонью старик. – И не у них одних. Тот, кто гонял им машины, тоже что-то знал и хотел этим сегодня вечером со мной поделиться. Видимо, его крепко прижали, раз он решил к бывшему менту сунуться... Шел, шел, но не дошел.

– Ты о ком, дед? – Саша с оттопыренной щекой напоминал больного флюсом.

– О том, чей труп сейчас увозят с нашего двора. – Дед глянул на внука и улыбнулся ему грустно. – Виталика Сол-

датова убили у нашей подъездной двери, Сашка. Его нашли с очень характерной раной в груди. Сильный удар ножом прямо в сердце. Четко между ребер. Никакой осечки. Так убивал только один человек в девяностых.

– Кто?! – Они вытянули шеи.

– Не знаю! – с горечью выпалил Иван Сергеевич. – Я долго бродил по его путаным следам, но так на него и не вышел. Может, тебе повезет?

Глава 8

– Я не стану этого делать, стажер Корнеев. – Искахов глянул на него исподлобья и погрозил пальцем. – Ни ходатайствовать, ни просить. Пусть соседний отдел убийством бомжа занимается.

– Товарищ майор, ну как вы не понимаете! – Саша широко зашагал по кабинету. – Дед говорит, что Солдатов шел к нему, хотел поделиться информацией, а его убили.

– Вот послушай себя, Саша. – Искахов откинулся на спинку стула и поднял глаза к потолку. – Шел... Хотел... Все глаголы в прошедшем времени. И будущего у них никакого. Солдатов теперь совершенно точно не дойдет и не расскажет. А все почему? Правильно. Потому что его убили. А что касается твоего деда... Если у него есть что сообщить нашим коллегам из соседнего отдела, пусть сообщает. Поквартирный обход вчера вечером был?

– Был.

– Что-то коллегам удалось узнать?

Саша отрицательно мотнул головой.

– Вот видишь, стажер Корнеев. Не удалось. И думаю, не удастся. А ты мне предлагаешь добровольно избавить коллег из соседнего отдела от «глухаря» и поставить папку с этим гиблым делом на свою полочку? Знаешь, Сашка, – майор скупно улыбнулся, – мне кажется, будь я конченным придур-

ком, я бы и тогда этого не сделал. Но я не придурок. И, повторюсь, делать этого не стану. Ты мне лучше вот что скажи: почему ты не допросил Солдатов, когда он был еще живым?

– Я его не нашел. Все развалины облазил. Всех, кто там проживает, опросил. Никто его не видел. Сказали, что он от кого-то прятался. Кто-то приехал по его душу.

– Так вот, да... Без подробностей... – не спросил, а подвел черту Исаков. – На квартире его был?

– Был. Заперто.

– А на рынке?

– А туда зачем? – глянул непонимающе Саша.

– Вот ты молодец, а! Вот это образец оперативной работы, стажер. – Исаков пружиной подскочил со стула и уперся кулаками в стол. – С рынка все началось, Саша! С рынка! Сначала нелепая драка. Потом стрельба. Ты же сам утверждал, что Солдатов крутился возле вас с Виноградовым и упал на землю за секунду до выстрела.

– Да. Мне показалось, что именно так все и было.

– Ну, вот! Вполне могли стрелять в бомжа, а Виноградова задели случайно. Солдатов мог заметить стрелявшего, или ствол, потому и упал на землю. С людьми надо говорить, стажер. Много и нудно. И начни с Федорова. Не верю я, что он ничего не знает. И еще разговори тех, кто Федорова на дух не переносит. Наводку я тебе дам. Все. Ступай и занимайся покушением на Виноградова, а не убийством Солдатов.

– А если мне что-то удастся узнать о возможном убийце

Солдатова? С коллегами из соседнего отдела сведениями делиться?

Саша застыл у двери с курткой в руках.

– Щедрый какой, – фыркнул Исхаков, усаживаясь на место. – Если удастся узнать, тогда и подумаем. А теперь пиши, с кем о Федорове можно поговорить...

Записывать необходимости не было, фамилий оказалось две: Иванова и Гришина. Обе уже очень давно работали на рынке. Не на себя. На хозяина. К ним Саша и завернул в первую очередь, хотя майор советовал оставить их на потом.

– Сволочь! И еще какая! – вытаращила глаза Анна Степановна Иванова, стоило Саше задать вопрос о Федорове. – Решил, что сейчас снова девяностые! Ходит тут, строит из себя! Тьфу, поганка!

– А что конкретно строит?

Саша стоял, облокотившись плечом о колонну, отгораживающую от посторонних взглядов прилавок, за которым работала Иванова.

Женщине было хорошо за сорок. Она старалась скрыть свой возраст, но выходило у нее отвратительно. Густой макияж и излишне обтягивающая поплывшую фигуру кофта лишь добавляли ей возраста.

А у Аллы выходит скрывать лишний вес под одеждой, неожиданно подумалось ему. Лицо у нее красивое и волосы ухоженные. Если возьмется за себя, то к лету будет просто

красавицей. Можно представить, какой она была в юности. Неспроста его отец руки ей целовал при встрече.

Он вдруг отлепился от колонны и встал прямо.

Надо же...

Он впервые подумал о пропавшем Валерии Хлопове, как о своем отце, со странным чувством. Хотел этому чувству дать оценку, да не успел ухватить, как оно улетучилось.

– Хозяина из себя строит. Смотрящий тоже еще выискался! – втиснулся в его мысли визгливый голос Ивановой. – Мы его просто послали и все.

– Вы – это кто?

– Все, кто торгует. Не продавцы, конечно, нам то что? Хозяева точек.

– Как думаете, мог Федоров устроить драку с Солдатовым специально? Чтобы смуту внести, заставить народ нервничать, искать защиты. Он побряцал оружием и добился, чего хотел. А? Могло так быть?

Она опустила густо подведенные веки, словно уснула стоя, помолчала минуты три. Потом ее голова в тугих кудряшках медленно качнулась туда-сюда.

– Вряд ли. Драку затеял Солдатов. Это точно. Он свалил у Маклая два ящика на пол, ананас своровал и пошел. Солдатов начал все это. А уж что почему, сказать не могу. Когда стреляли тут, и вашего одного задела, не моя смена была. Но я слышала...

Женщина вжала голову в плечи и покосилась себе за спи-

ну, но там никого не оказалось. Дверь в подсобное помещение была плотно прикрыта.

– Но я слышала, что кто-то искал Виталика.

– Солдатова? – уточнил Саша.

Это точно не он. На рынке он Солдатова не искал. Ограничился развалинами, где последние годы жил Виталий.

– Да. Кто-то приехал по его душу. Серьезный человек. И он будто даже Витальку трепал возле рыночной стоянки. Кое-кто видел, когда в машину садился. Кто это был – не спрашивайте. – Тут же выставила она ладони вперед. – Того, кто его нашел – не знаю. Того, кто это видел – не сдам...

– Да если вам так интересно про несчастного бомжа узнать, просмотрите записи с камер, – порекомендовала Гришина, которую Саша нашел возле ее дома.

Женщина раскидывала снег огромной фанерной лопатой, расчищая подъезд к воротам гаража.

Умная самая, да?

Записи с камер они просмотрели и не обнаружили ничего интересного. В тот момент, когда раздался выстрел, задевший Виноградова, народу на рынке было настолько много и стояли все так плотно, что камера сняла лишь вязаные шапки, кепки, старомодные ушанки. В объектив попало несколько непокрытых голов, но никто в них себя не узнал.

– А вы не тот день просматривайте, когда стрельба была, – посоветовала Гришина, распрямляясь. – За день, за два до

того случая смотрите. Начальник рынка вряд ли их уничтожил. Он старается с властью дружить. Запросите записи и найдете того, кто по душу Виталика явился. Мужик видный. Высокий. Крепкий.

– Вы его видели?

– Его все видели. И шептались, что явился он Виталика завалить.

– А причина?

– Наследство. – Она равнодушно пожала плечами. – Виталика жена – Лида – давно его бросила, сбежала от него на юга. Там жила с кем попало. Все свое профукала и померла так же беспутно. Ее родные трещали всем, что от болезни, да не было ее. Сожитель ее убил, чтобы добро к рукам прибрать. Он будто из крутых, или брат у него крутой. Подробностей не знаю. Такие все могут.

Плотный пласт снега взлетел с ее лопаты и упал за небольшим сугробом, который она уже успела нагрести. Работа ее была бесполезной. Через час ожидался сильнейший снегопад. Предсказывали месячную норму.

– Вы узнаете его на записях с камер?

– А мне это зачем? Я влезать в ваши дела не намерена. Поищите еще кого-нибудь.

Гришина размахивала фанерной лопатой без остановки. Ее лицо раскраснелось. Из-под пухового платка со лба на щеки катились крупные капли пота. Тонкая куртка на спине взмокла, но она и не думала останавливаться. Снежные пла-

сты с тихим шуршанием летели за сугроб.

– Я прошу прощения, Татьяна, – отчества ее он не знал, майор ограничился именем и фамилией, – но вам придется поговорить со мной. Если не здесь, то в отделе.

Угроза не подействовала. Гришина не выпускала лопату из рук, и сугроб на глазах разрастался.

– Это препятствие расследованию и...

– Послушай, парень. – Она резко выпрямилась. Глаза под мокрой челкой, выбившейся из-под платка, зло сверкали. – Я не боюсь твоих угроз. За мной ничего нет. И что я могу рассказать тебе? Сплетни? Ты их к делу пришьешь?

Он растерянно смотрел на женщину. Она была права.

– Послушайте, Татьяна... За минувшую неделю произошло сразу три события, которые, как я думаю, не могут не быть связаны между собой.

Она стащила с правой руки вязаную варежку, растопырила пальцы и, загнув указательный, произнесла:

– Первое – это у нас что? Драка Федорова с Виталиком? Я правильно понимаю?

– Так точно. – Он улыбнулся. – Второе – это стрельба на рынке. Странная стрельба. Если хотели убить Виноградова, почему не убили? Стреляли в упор. Если хотели убить Виталия Солдатова, то почему в итоге убили ножом?

– Ох... – Она тяжело вздохнула, воткнула в сугроб лопату, повернулась к нему и глянула с сожалением. – У вас там все такие? И откуда только берут! Чего непонятного? Стрелял

один, убил другой. Это два разных человека, парень! Даже мне это понятно. И Федорову тоже. Потому он перепугался и дома заперся.

– Федоров?

– Федоров, Федоров, в лихие годы: Маклай. – Тонкие губы Гришиной сложились в ядовитую улыбку. – Не все же ему страх на людей нагонять. Теперь вот и самому приходится трястись, как зайцу. Ты ступай, парень, ступай. Нет у меня для тебя информации. Сплетни к делу не пришьешь...

Она не соврала. Федорова на рынке не было. За прилавком стоял продавец, трудоустроенный пару дней назад. На вопрос: где хозяин, ничего вразумительного не сообщил.

– Так поезжай к нему домой, стажер, – посоветовал майор Исхаков, когда Саша ему позвонил. – Если захочет с тобой поговорить и пустит, это будет большой удачей. И да, помни: у него злых собак за забором дюжина. Даже не пытайся проникнуть туда хитростью.

Исхаков не соврал. Стоило Саше подойти к забору и позвонить в звонок под пластиковым козырьком, как со стороны двора раздался самый настоящий собачий хор. Лаяли, выли, повизгивали, скреблись когтями о металлическую изгородь. Майор мог бы и не предупреждать. Желания проникнуть на территорию без спроса у Александра не возникло.

Под пластиковым козырьком, рядом с кнопкой звонка зашуршало, затрещало, и голосом Федорова спросили:

– Кто? Что надо?

– Николай Иванович, это Корнеев. Александр Корнеев.

– Понял, что не Иван, – хмыкнул Федоров. – Зачем явился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.